

Вырезка из газеты

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

от 21 ЯНВ 41

Владивосток

Газета №

ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ

В 1917 г. я жил в Петрограде и работал на одном из больших заводов — Обуховском. Я видел первый раз Ильича на митинге у дворца Ксешинской. Совсем хорошо я помню его на митинге в башенной мастерской Обуховского завода. Это был грандиозный митинг, какие только могли быть на заводах-гигантах, с количеством рабочих в несколько десятков тысяч человек.

Вначале говорили несколько меньшевиков и эсеров. Многотысячная рабочая масса уже не раз слышала их и шумом выражала свое негодование. Все ждали выступления Ленина. Имя Ленина рабочим завода было хорошо известно, но многие его еще не видели. Большинство представляло Ильича каким-то особенным, отличающимся от других.

Но вот слово предоставили Ильичу. Митинг замер. На громадном помосте — человек небольшого роста, очень скромной наружности.

Первые четверть часа Владимир Ильич говорил в абсолютной тишине. Внимание многотысячной толпы напряжено до крайних пределов. Простые, понятные слова Ленина доходили до сердца каждого рабочего. Вот он засунул руки в прорезы жилетки, голос звучит металлическими высокими нотками и все чаще и чаще раздается из толпы «верно», «правильно». Море голов все теснее приливало к трибуне, и воздух взрывался пескончаемыми аплодисментами.

Владимир Ильич кончил говорить... Многотысячный митинг вдруг как-то разделился на сотни кружков, и везде повторялись слова Ильича, в воздухе звенели лозунги большевиков. Тут не было пассивных слушателей, все кипело, бурлило, выплескивало через край накопившееся годами. Явно обнаружили враги и друзья. Оперировав только-что слышанным, люди готовы были тут же расправиться с недавними господами положения. Меньшевики и эсеры сдавали свои позиции.

Расскажу о более близких с ним встречах уже после Октябрьской революции.

...В ноябре 1918 г. я и еще один товарищ были командированы как представители заводов морского ведомства в Москву, в Совнарком. Дело шло о больших кредитах на обеспечение инвалидов и о пенсиях при профессиональных заболеваниях.

Прямо с поезда мы поехали в Кремль к Ильичу. Владимир Ильич принял нас в своем кабинете. Когда мы сказали, что из Петрограда, да еще от рабочих таких больших заводов, Ильич начал расспрашивать нас как старых знакомых. Он сел между нами и, несмотря на то, что, ему, конечно, все было известно об общем положении дел в Петрограде, Ильич с большой настойчивостью добирался до мелочей. Расспрашивать он умел, как никто. Уже через несколько минут он заставил нас забыть, что перед нами глава государства, вождь революции. С нами говорил очень близкий, родной нам человек, которому нужно сказать все и находятся для этого необходимые слова. Забыто было все, что мы приготовились сказать, и говорилось о том, чего мы никак не предполагали. И неудивительно, что в продолжении часа говорили только мы, а он вставлял отдельные замечания и направлял речь в нужное русло. И только когда мы собрались уходить, вспомнили, зачем пришли. Владимир Ильич обещал помочь. Он предложил нам вечером быть на заседании Совнаркома, где будет поставлен наш доклад. Ушли мы из Кремля очарованные этим удивительным человеком.

Вечером, в 8 часов, мы были уже в Кремле. Нас поразила зала заседаний — два ряда длинных, длинных столов, покрытых красным, полотна красных флагов и какие-то красные отделки рам. Все горело огнем. В конце зала за отдельным столом сидит Ильич.

Первым вопросом стоял наш доклад. И вот, когда я говорил, и затем, когда слушал прения, мне казалось, что я недостаточно убедительно и просто скверно сделал доклад, что наши запросы слишком велики, опрометчивы и неуместны. Но вот встает Владимир Ильич. И в его речи, обращенной ко всем, я чувствую, что он целиком нас поддерживает. И все, что мы просим, — получим. В заключение Ильич продиктовал постановление, полностью удовлетворяющее наши требования.

Объявлен перерыв. Ильич около нас. Глаза его хитро смеются, — дескать, попарились. Он отводит нас в сторонку: «А приходите-ка завтра ко мне утречком, поговорим». И тут же собственноручно пишет пропуск.

На другой день утром мы опять у Ильича. На этот раз говорит больше Ильич, мы получаем инструкции и зарядку для дальнейшей работы.

Прощаясь, Владимир Ильич сказал: «Если вам будет нужна моя помощь, или вам будет известно, что кто-либо из комиссаров не будет честно носить это имя, — пишите мне».

Исключительная простота Ильича, обаятельность скромности, чуткость к людям навсегда остались в моем сердце.

Заслуженный артист Таджикской ССР

В. НАРЫКОВ,

артист Приморского краевого драматического театра им. А. М. Горького.